

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА СИБИРСКО-ТАТАРСКОГО НАРОДА

Сибирские татары – народ, сохранивший в течение нескольких веков историческую родину, традиционный уклад жизни, древние обычаи и обряды, старинные предания, легенды, собственный взгляд на окружающий мир. Историк-этнограф Ф.Т. Валеев, посвятивший множество трудов изучению истории родного народа, пишет: «Сибирские татары представляют собой самостоятельную этническую общность с присущими ей такими устойчивыми признаками и свойствами, как язык и территория, экономическая общность и религия, этническое самосознание, эндогамия, а на раннем этапе своего развития и социально-политическую общность – Сибирское ханство, представлявшее собой феодальное государство. Сибирско-татарский этнос состоит из ряда этнографических групп, отличающихся друг от друга лишь незначительными особенностями в народно-разговорном языке, различиями в хозяйственной деятельности» [Валеев 1993: 42].

В формировании тюркских народов Центральной Азии и Южной Сибири (VI-VIII века) огромную роль играли тюркские каганаты. Можно предположить, что предки сибирских татар непосредственно участвовали в этом процессе. Здесь нужно учитывать еще и такой факт, что в VI-IX веках начинается переселение тюркских племен Алтая и центрального Казахстана в Южную Сибирь. В некоторых источниках происхождение сибирских татар связывается с «таттанами» (хатанами), которые жили на территории Иншани, т.е. Алтайских гор [Авдеев, Струкова 1937: 66].

Видные востоковеды в своих исследованиях по истории, этнографии, языку сибирских татар опирались на фольклорный и археологический материалы. Как итоги своих изысканий, они, прежде всего, отмечали смешанный характер формирования этнической общности тоболо-иртышских татар. Так, Н. А. Аристов [Аристов 1897] пишет о приходе в XV-XVI веках на Тобол и Иртыш ногайцев и казахов, торговых сартов и таджиков из Мавераннахара (Средней Азии), казанских татар. А. Г. Юшков [Юшков 1861] отмечает здесь следы монголов, Н. Ф. Катанов [Катанов 1894] считает, что в формировании этноса западносибирских татар приняли участие ногаи, каракыпчаки, хотаны, иштяки, среднеазиатские шейхи. О заболотных и ачирских татарах он пишет, что они потомки остяков, принявших мусульманскую религию. Г.Ф.Миллер в своих научных трудах всю территорию за Уральским хребтом называет Великой Татарией, а самих татар «главнейшим народом Сибири» [Миллер 1937]. Интересным источником сведений по истории, этнографии Сибири XVIII века являются воспоминания пленных офицеров, отбывавших ссылку в Тобольске. Одним из таких людей был Адам Каменский (Длужик), который пишет о том, что в Тобольске у татар были верблюды, на

которых они ходили «в Бухары» и даже «в Дауры» [Полевой 122-129]. Также вызывают интерес дневники путешественника XVIII века, русского дипломата и торгового агента России в Китае, Лоренца Лянге, изданные Н.Ф. Катановым, из которых можно почерпнуть сведения о быте, обрядах, обычаях тобольских татар. По свидетельству Н. Ф. Катанова, Л. Лянге несколько раз проезжал от г.Тобольска до г. Тары, его наблюдения также представляют научный интерес [Катанов 1905].

С 1720 годов научное исследование Сибири приобретает более организованный и систематический характер. С целью изучения данного края российское правительство организует ряд академических экспедиций, в составе которых были также и западноевропейские ученые.

В XVII в. российское правительство, наряду с планами освоения новых территорий, поставило задачу использования имевшихся там природных и человеческих ресурсов. Но ни государственные чиновники, ни ученые не имели достаточных представлений об азиатских территориях и населяющих её народах. В этом отношении ценные сведения были почерпнуты из 4-х-томного труда И.Г. Гмелина «Путешествие по Сибири» (Гмелин Иоганн Георг (1709-1755), книга была написана по итогам его путешествий в 1733-1743 гг. и переведена на многие языки), опубликованного в 1751 г. не в России, а в Европе – в Геттингене [Тихомиров, Софиано 1955]. В данном труде автор оценивает европейские знания о Северной Азии: «Вся страна слыла под именем Татарии, все народы, в ней обитавшие, почитались за татар; не знали даже как далеко (на восток) тянется суша и продолжается ли она до Америки или отделяется от нее морем». В 1720-1727 гг. состоялась экспедиция в Сибирь Д.Г.Мессершмидта (Даниил Готлиб Мессершмидт (1685-1735), которого согласно заключенному с правительством договору обязали «изучить географию страны, ее естественные произведения, этнографию, исторические памятники и древности», проехавши с Урала до Северной Маньчжурии. Особо важен тот факт, что он проводил исследования народов, проживающих здесь, изучал их языки, памятники письменности и древности. Ему принадлежит первенство в исследовании древнетюркской письменности, которую он назвал «рунической» из-за сходства с рунами Скандинавии. Д.Г.Мессершмидт собрал ценные сведения по истории Сибири и сопредельных ей стран, по сибирской этнографии и языкознанию. Результаты работы исследователя в Сибири зафиксированы в его дневниках, хранившихся в архивах (Архив АН СССР. Ф. 98. Оп. 1, № 1, (Т. 1, 1721; № 2, (Т. 2, 1723), - № 3, (Т. III, 1724)).

Спутником Д.Г.Мессершмидта в 1721-1722 гг. был шведский пленный офицер Ф.И. Страленберг (Страленберг Филипп Иоганн (1676-1747)), собравший значительный материал о древностях и истории Сибири, который он обобщил в своем труде, изданном в Стокгольме в 1730 году (Stralenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. - Stockholm, 1730). Его заслугой является также приобретение у ахуна г. Тобольска Азбакова, с которым он состоял в дружеских отношениях, рукописи сочинения Абу-л-Гази Бахадур-хана «Шаджара-и турки» («Родословная тюрков», XVII в.) и введение её в научный оборот [Кононов 1971: 3-12].

Указанные выше сведения о сибирских татарах записаны в XVII-XVIII вв. иностранными путешественниками, дипломатами. Однако, при всем богатстве и многообразии, не все данные являются результатом глубокого, целостного научного изучения, некоторые из них содержат в себе довольно случайные, разрозненные и порою противоречивые сообщения. У многих авторов ранних записей о Сибири не было специальной теоретической подготовки, они мало знали о природе неведомого им края, не было сведений и об общественном укладе его народов, их традициях и обычаях. Отсутствие необходимой материальной базы исследования, труднодоступность отдельных районов, сложные климатические условия не способствовали объективности и полноте сделанных наблюдений, выводов.

Более объективную картину о Сибири и сибирских татарах создают ученые-исследователи в XIX веке. Особенно интересны в этом плане высказывания академика В.В.Радлова. О барабинских, тарских, тюменских и тобольских татарах он пишет, что все эти тюркские племена – близкие родственники алтайских телеутов, только их язык претерпел некоторые изменения под влиянием тюрков Средней Азии. «Татары, которые проживают на среднем Иртыше и его притоках, Таре, Тоболе, Туре, Ишиме, представляют смешанный народ из сибирских татар с пришельцами из Средней Азии и Восточной России. В соответствии с их происхождением, их язык представляет комплекс особенностей и наречий... Все эти этнические группы – близкие родственники алтайских телеутов» [Радлов 1923: 23]. В своем многотомном труде «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» ученый также отмечает, что тобольские, тюменские, тарские, барабинские татары исторически более близки алтайцам-телеутам, а связи со Средней Азией и Восточной Европой – явления более позднего периода. Здесь В.В.Радлов упоминает об оттеснении татар в разные периоды монголами и русскими в глубь лесов и болот.

В Западной Сибири в местах расселения своих предков живут сибирские татары. Данное население является многокомпонентным по своему этническому составу, что характерно для большинства этнических образований Сибири, сложившихся в результате многочисленных миграций населения в этом регионе. Основу же тюркоязычного населения по-прежнему составляют потомки тех родоплеменных групп тюрков, которые были расселены на территории издревле.

Заметными этническими корнями носителей восточных диалектов были бухарцы или сарты, как их называют сибирские татары. Особенности бухарцев Западной Сибири изучали Ф.Т. Валеев, С.М. Исхакова, Д.М.Исхаков. По мнению ученых, среднеазиатские тюрки с древнейших времен проникали в Западную Сибирь, как и сибирских тюрки – в Среднюю Азию. По-видимому, как раз этот факт сыграл роль в сближении некоторых особенностей языков этих двух больших групп тюрков, например, в языке среднеазиатских тюрков, особенно ферганских, наблюдается оглушение согласных, как и в Западной Сибири.

Таким образом, рассмотрение процесса формирования сибирско-

татарского народа, его истории дает возможность сделать вывод о том, что его состав весьма сложен, многокомпонентен; вследствие чего, устное творчество, которое является отражением жизни народа, его мировоззрения, очень богато и разнообразно как по своему жанровому составу, так по сюжетам и тематике.

Устное народное поэтическое творчество является духовным наследием народа, на основе которого развивается письменная литература. К нему относятся разные сказания, исторические предания и легенды о тех или иных событиях и личностях; фантастические и бытовые сказки; старинные обычаи и обряды; пословицы и поговорки; загадки; народные песни и баиты, которые отличаются выразительностью, образностью, лаконичностью, меткостью, остроумием. В этом бесценном словесном богатстве хранятся особенности языка данного региона, отражается история народа, его жизненная мудрость, мировоззрение, мироощущение. Можно с уверенностью сказать, что ничто не может дать большего представления о народе, чем его фольклор. Устное народное поэтическое творчество всегда было тем идейным и художественным достоянием народа, в котором он мог выразить свое видение мира и отношение к жизни.

Как показывают данные фольклористики, которая насчитывает около полутора веков, сибирские татары располагают богатым народно-поэтическим наследием, включающим различные жанры устного народного творчества. К сожалению, с течением времени возможностей для сбора и фиксации фольклорных произведений остается все меньше и меньше, ибо они уходят в забвение вместе с их носителями – представителями старшего поколения. К счастью, к настоящему времени собран и изучен большой объем фольклорного материала, на основе анализа которого можно сделать некоторые выводы. Нужно отметить, что в настоящее время также интенсивно ведутся исследования в данной области. С одной стороны, это целенаправленный сбор и изучение фольклора, с другой стороны, исследования, связанные с изучением языка сибирских татар, которые опираются также и на материалы устного народного творчества.

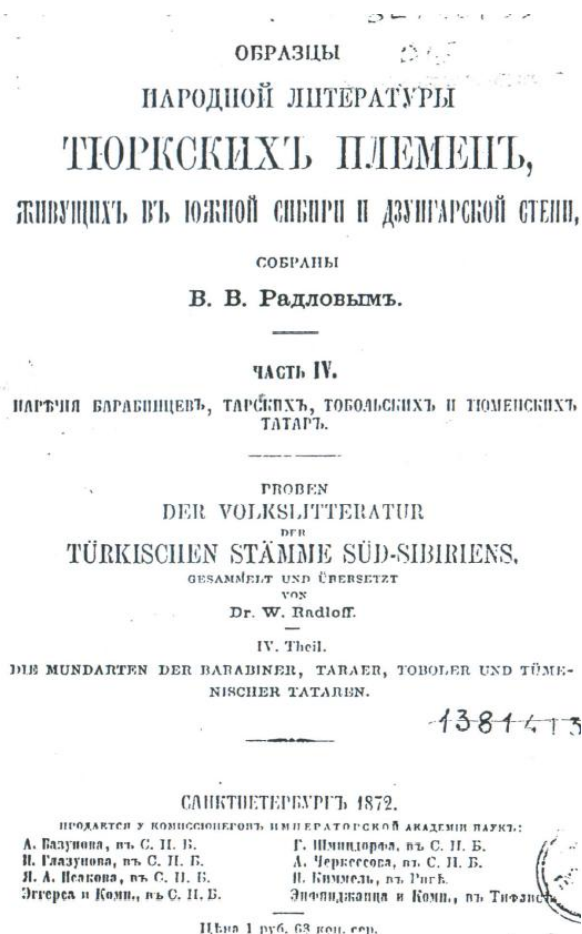
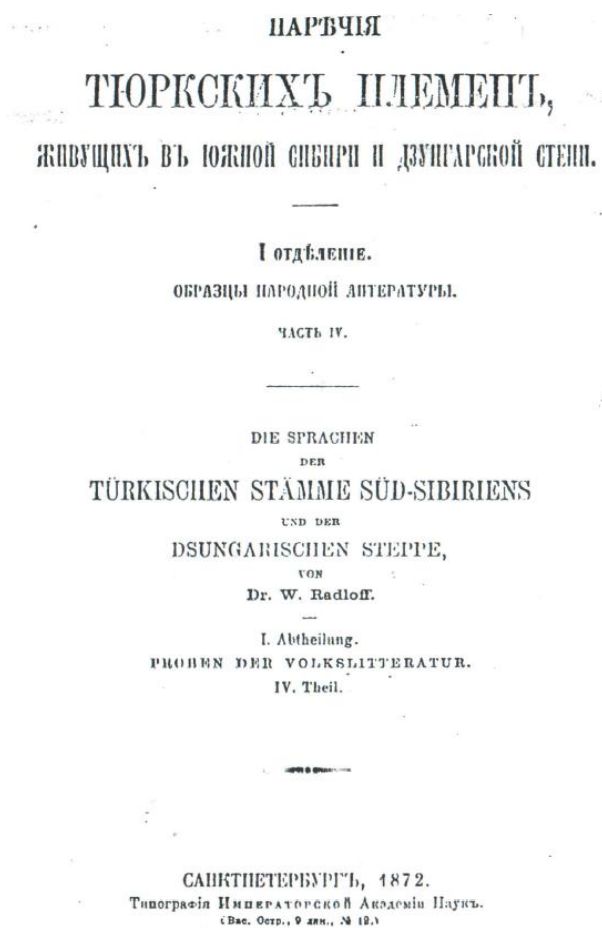
Рассматривая вопрос об изученности фольклора татар, проживающих на территории Сибири, необходимо отметить деятельность ученого с мировым именем, академика В.В.Радлова, труды которого могут считаться первым и значимым вкладом в фольклористику сибирских татар. Фридрих Вильгельм Радлофф (1837-1918) родился в Берлине, образование получил в Берлинском университете, где изучал монгольский, маньчжурский, татарский, османотурецкий, китайский, древнееврейский, арабский, персидский и русский языки. Получил степень доктора философии и в 1858 г. приехал в Россию.

Научная карьера В.В.Радлова начинается в Барнауле, где он 12 лет проработал преподавателем горного училища, продолжается в крупном востоковедческом центре того времени – Казани. В течение многих лет, работая преподавателем в Барнаульской Горной школе, он изучает особенности языка, записывает произведения устного народного творчества тюркских народов Алтая и Сибири.

В 1884 году ученый избирается «ординарным академиком по части истории и древностей азиатских народов» и работает в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Шесть десятилетий исследовательской работы он посвятил «тюркским племенам» России, выезжая на длительные экспедиции по Алтаю, Туве, Хакасии, Шории, Восточному Казахстану, Киргизии, Узбекистану, Северной Монголии. Сибирские земли изведаны им от Тобольска до Канска. В.В.Радлов накопил огромный материал по всем живым тюркским языкам, записал множество произведений устного народного творчества из уст их носителей. В дополнение ко всему изучал быт, верования, обряды, историю, собирал этнографические и археологические материалы, сам проводил раскопки.

Результатом такой деятельности является десяти томный труд «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В.В.Радловым». [Радлов 1872]

Титульный лист сборника В.В.Радлова

Четвертый том этой работы, записанный в 1859-1871 гг., в котором собран фольклор и наречия барабинских, тарских, тюменских и тобольских татар, в первый раз был издан в 1872 году, а затем переведен на немецкий язык. Во вводной части к этому тому автор приводит некоторые исторические материалы о татарах, проживающих на данных территориях и диалектных особенностях их языка, что делает изыскания ученого важным источником для

исследований, как для фольклористов, так и для историков и диалектологов.

IV том «Образцов...» В.В.Радлова вбирает в себя 119 произведений устного народного творчества, записанных в вышеназванных селениях. По современной жанровой классификации фольклора в данном томе представлены: 41 сказка, 29 песен и баитов, 23 предания и родословных, 16 дастанов и отрывков из них. (Произведения, названные ученым «Мюрид» и «Шейх Баязит», записанные в Каскаре, указаны лишь в оглавлении.) Здесь ученый фиксирует две существенные особенности татарского фольклора: бытование в народе произведений эпоса – дастанов и лиро-эпоса – баитов. Он отмечает также, что устные творения уже в его время сохранялись лишь как «святые воспоминания молодости того времени, когда народный дух еще давал им смелость открыто восхвалять в песнях и сказках деяния их предков» [Радлов 1872: 411].

Образец фольклорного материала из сборника В.В.Радлова

ТОБУЛ ХАЛК.

Саурбаң аул.

1. Кўца Баи.

Улу жулар ат киләді,
садакка шайлан салган октайн,
калың мәйісләрің ичләриңдә
калың мәйіслиң јоктайн!

Аклы буслы ала арбумак
бушадыш ідәм баундан;
біснә киши ник сўлаиди?
јүрүң килдәм аулдан.

Кулап аулаған јиритләрің
арғада уң кулабы сағ игәндә,
сўлаһиңгә айткан бір сўсләри
күкрәктән китмәс тағ' игәндә.

2. Сәйтнәң сәдрәсә.

Тобыцак Сәйтнәң ұлы Алау дін Сәйт, бу Алау дін Сәйтнәң
ікі ұлы, ұлұның аты Јарым Сәйт, кішісінәң аты Мыралт Хоҗа,
Мыралтнәң ұлы Дін Алт Хоҗа. Бу Дін Алт Хоҗа Тардан Тобул
шәриһә килдә, айтти: «Биснә сәдрәсә Јармак заманында Јргішкә
суға китти. Илди сәдрә алырға Ёргәһәңкә бармасак болмас» тп.
Ул вакытта бахыр Јусуф Бинәң ұлы Хоҗам Шүкүр Тобул шә-
риндә ахун идик. Јана бисләрдән Дін Алт Хоҗа кичәш сурадылар.
Бис бахыр Хоҗам Шүкүр ахун бу Дін Алт Хоҗаға җауап айтти:
«Сис барсаңыс јул алыс иді. Бу җакта коркыды тыр. Баруңыс
кыин тыр, вәһәм јакшы барсаңыс кәйтүңыс јана кыин тыр» тп.
«Һәмә бисләргә бармаклық, ич лазым јок тыр. Аның ұңуң
сис бискә мәлүмә кишисә. Аның ұңуң Бухараның ханы Абдулла
хан Хан Сәйтнәң Ёргәһәңкә Исхәр ханы Күңим ханға Сибір халк-
ны дин ислам биләр ұңуң јибәргәһәң һәмә халк биләди. Халкның
куалыкның һәм биснәңмән биргә килгән Шәрбәти Шаихның сүс-
мән бис мында сискә сәдрә јазып бирәик!»

Дин Алт Хоҗа һәм бу сүснә јаратты, вәһәм Ёргәһәң шәһә-
ригә баруны коиды. Андан соң Шәрбәти Шаихны вәһәм карт ки-
шиләриң җакырдык. Вәһәм атамсы Күңим ханның вакытында Ју-
суф Бт тигән киши иді. Атамсы илди бу дунјадан ұтқан, вәһәм
атамыстан бис Хоҗам Шүкүр ахун Дин Алт Хоҗаның дин ыслам
билдиргәли килгәһәң иштікән идик. Андан соң Шәрбәти Шаихтан вә-
һәм ултырған җамағатлардан сурадык. Шәрбәти Шаих җауап
бирди: «Сурасаңыс билгәһәңиңә, кўргәһәңиңә айтәһәң расты. Бу
Дин Алт Хоҗа һашымдан тыр. Буларның саты Сәйтсада тур.
Буларның нәсидән Бухарада Ёргәһәңкә улұларның имамлары;
вәһәм јаш уланларның икі кулабының алтында җаң коҗырлар.
Сәйтсадаларның билгәһәң тп. Бу билгәһәң кўрсаләр әгәр патшасада
болсын, әгәр бт болсын ул јирдә туруп: «Пағамбар алаһи салам
вә салауат» айтирлар. Биснәңмән биргә бу Дин Алт Хоҗаны Бу-
хараның ханы Абдулла Хан икәһәңиңә Ёргәһәң адырып Күңим

IV.

14*

Вместе с другими многочисленными материалами устного народного творчества сибирских татар, В.В.Радловым записан самобытный и полный местного колорита вариант знаменитого дастана (эпоса) «Идегей». Последние записи эпоса он успел записать из уст сказителей-татар, живущих в барабинских степях. Известно, что «Идегей», признанный эпический памятник

татарского фольклора, является духовным достоянием ряда тюркских народов. Его варианты в разное время были записаны у казахов, каракалпаков, узбеков, ногайцев, туркмен, башкир, горных алтайцев, тюркских народов Крыма и сибирских татар. Первая запись эпоса была опубликована исследователем Сибири Г.И.Спасским в 1820 году в «Сибирском вестнике».

Дастанная литература – разновидность восточной художественной беллетристики. Она близка к народным, фольклорным произведениям, народному романтическому эпосу, произведениям эпического жанра в письменной или устной форме на историческую или любовно-лирическую тему. Известные дастаны «Ильдан и Гульдан», «Славная девушка Тукбика», «Тимер Батыр», записанные в Сибири хранятся в архиве Института языка, литературы и искусства имени Г.Ибрагимова*. В некоторых дастанах излагаются исторические события, связанные с проникновением русских в Западную Сибирь и с походом Ермака [Әхмәтжанов 2003: 24-31].

Здесь также интересно отметить тот факт, что особо сложный по сюжету и большой по объему, полуписьменный, присущий тюркскому народу особый эпический жанр – дастан – более стойко сохранился в Сибири. Ученые объясняют это, во-первых, тем, что данные селения находятся вдали от больших дорог, и, во-вторых, благодаря устойчивой мелодии и стихотворной основе. Как отмечает ученый М.Ахметзянов: «Большая часть наших дастанов сохранились в среде сибирских татар и записаны из уст сибирских сказителей. Дастаны «Идегэй» («Идегей»), «Атаклы кыз Тукбикә» («Славная девушка Тукбика»), «Тимер батыр», «Илдан белән Гөлдән» («Илдан и Гульдан») воспроизводят быт татарских племен Сибири в средние века» (Перевод наш – Ф.С.) [Әхмәтжанов 1985: 44].

Народы, проживающие когда-то в великом, в политико-экономическом отношении, известном всему миру своими достижениями в области литературы и культуры, государстве Золотая Орда, хранят как самое дорогое поэтическое наследие дастан «Идегей». Противоречивые события, происходившие в жизни народа в сложных политических условиях, составляющие реальную основу произведения, повышают историческое значение дастана. Фактором, сохраняющим актуальность данного произведения, является также то, что в нем отражаются события мирового значения, происходившие на территориях Крыма, Каспийского моря, Поволжья, на просторах Южной Сибири, современного Казахстана, в долинах Средней Азии, Индии, Ирака, Ирана. Произведение отражает своеобразный и трагичный период в истории Золотой Орды – конец XIV, начало XV веков – что является самым серьезным показателем литературно-исторической ценности дастана. В событиях, запечатленных в произведении, участвуют исторические личности: Идегей, Хромой Тимур, хан Токтамыш, которые сыграли решающую роль в судьбе Золотой Орды, тюркских народов и русских княжеств того времени. (Эти факты послужили причиной запрета издания произведения в советский период,

* Архив ИЯЛИ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 31.

в подготовке которого еще до Великой Отечественной войны участвовали знаменитые ученые-тюркологи).

Учеными особо подчеркивается, что записанные В.В.Радловым дастаны «Алтаин Саин Сөмә», «Ак күбек», «Ястэй Мөңкә», «Межек алып», «Йертөшлек» являются уникальными образцами древнетюркского эпоса. «Кузы Көрпәч и Баян Сылу», «Купланды», «Камбар», «Таһир-Зөһрә», «Бүз егет» перекликаются с мелодиями не только барабинских, но и тобольских заболотных татар, в поселения которых в свое время В.В.Радлов не дошел. Дастан сибирских татар «Алтаин Саин Сөмә» близок к жанру сказки: он состоит только из прозаического текста. При оценке данного эпоса ученые отмечают его схожесть с дастанами, сохранившимися у алтайцев, якутов и хакасов, в центре сюжетов которых лежит героическая борьба за обладание невестой, женитьба главного героя и конфликты, связанные с этим событием. С исторической точки зрения это произведение служит еще одним доказательством родственной близости названных народов.

Два варианта татарского героического дастана «Ак күбек» записаны В.В.Радловым из уст барабинских и тобольских татар. Несколько вариантов этого же произведения, как пишет Ф.Урманчеев, сохранились у алтайских тюрков, хакасов и нугаев [Урманче 2002].

Известными татарскими фольклористами Х.Ярмухаметовым, Ф.Урманчеевым, Л.Залялетдиновым, Ф.В.Ахметовой-Урманче, Х.Гатиной, Н.Ибрагимовым, Х.Махмутовым с 1967 по 1974 годы были проведены экспедиции в те же деревни и селения, где В.В.Радлов осуществил с поразительной точностью записи указанных произведений. «К великому сожалению, через сто лет пройдя этот же путь: аулы Барабинских степей, которые указаны у В.В.Радлова лишь по названию рек и озер, а также д.д. Туралы, Хужаул, Олы Кау, Тәпкәч (ныне отсутствует), Саргац, Ишим Тамак – селения нынешней Омской области и д.д. Карагай, Сала, Саускан (ныне отсутствует), Йуртышак, Рәгес, Таргам, Калмаклар (ныне отсутствует), Сәет и Каскара – селения современной Тюменской области – ученые уже не застали многие из фольклорных материалов, записанных великим ученым», – пишет о результатах этих экспедиций ученый-фольклорист Ф.Ахметова-Урманче, внесшая большой вклад в изучение устного народного творчества татарского народа [Ахметова 2002: 240].

Как отмечается учеными, прозаические сказки и эпические сказания в виде сказок записаны В.В.Радловым довольно полно и сохраняют художественные достоинства жанра. Заметим, однако, что, по словам Ф.Ахметовой-Урманче, через сто лет ни одна из этих сказок не повторилась даже в вариантах. Ученые находили лишь сходные мотивы и образцы (например, щедрый Хатәм Таи, украденный кирпич, проданная девушка и другие), совпадения в названиях («Кара Күккел», «Йирән Чичән», «Саламторхан» и др.), но при этом отмечали, что по содержанию это очень отдаленные контаминации, видоизменения сказок, что говорит об их жанровой неустойчивости и пестроте историко-этнографических связей носителей фольклора. Таким образом, тексты сказок, записанных в IV томе «Образцов...»,

дают ценнейший материал не только для изучения развития и угасания фольклора, но и для исследования быта, языка, культуры сибирских татар. Например, упоминаемые в них музыкальные инструменты – ятаган, саз, най, сорнай, шестидесятиструнная месяцевидная думбра (алтмыш кыллы ай тумбыра); жилища – четырехугольный деревянный дом, также шестиугольный, восьмиугольный (түрт мөөшле агац өй); обряды – глубоко зарыв, высоко похоронить («тэрэн касып, тәбә күмү»), снять с головы шелковый платок и подарить за хорошую весть (турга урамал салу) и др. могут служить богатым материалом для исследования культуры, быта, обрядов, обычаев и поверий народа. В среде сибирских татар и сейчас бытуют такие обычаи, как, поздравление-приветствие: «күзең айдын!» – «пусть будет светлым твой взгляд»; исцеление от сглаза и испуга (эпкорок) – вылив в холодную воду раскаленное олово, смотрят, чью форму примет слиток: человека, животного и др.; когда болит голова (баш төшү), завязывают ее мочалом или ниткой, а по узлам на них знатоки определяют болезнь, назначают лечение, заговаривают. Но многие из записанных примет и обрядов, к сожалению, уже не сохранились. В современном обиходе уже нет слов «торон» вместо «внука» (сохранилось в турецком языке), «пөтү» вместо «писать», «расти», «быть», «появиться», «выйти». Они сохранились лишь в архаичном фольклоре.

В IV томе «Образцов...», кроме стихов в дастанах, собрано 29 текстов песен, которые составляют 680 поэтических строк. Из них 5 песен (79 строк) названы В.В.Радловым байтами. Однако неизвестно, называли эти песни байтами сами информаторы, как это, например, до сих пор принято у нижгарских татар-мишарей, или сам ученый так обозначил их, чувствуя в них едва уловимую эпичность. В современной фольклористике байты выделяются из обычных песен по событийному, чаще трагическому или сатирическому содержанию, повествовательному характеру исполнения. Но из-за отрывочности записей, сделанных В.В.Радловым, отсутствия записанных мелодий, их трудно отнести к байтам в современном понимании этого жанра – т.е. стихотворным повествованиям о трагических или комических явлениях жизни, исполняемым на определенные мелодии. Однако по сюжету

«Золым белән аердылар,
кара күзем, иллаһи»

(«По-недоброму нас разлучили,/ моя черноглазая, ей-богу»/)

«алыстан карап күренә/
баструкның пиекләй кашлары»

(«издалека видны/ высокие косяки дверей острога»/),

и по ассоциации с другими байтами, например, «О русско-французской войне» («пранцуз дигән арәб явын/ тау астыннан чолгап алаек» – /«войска арабов, названные французскими,/ окружим из-под горы»/) четыре произведения, названные В.В.Радловым «беит», можно отнести к современному жанру байт. Пятый, записанный собирателем как «Мәргәнләр бәете» с прекрасно сохранившимися деталями «охотничьего эпоса» («Өгә йөнлә ук булса,/ тартып кешкә салгаймын,/ кама йөнле ук булса,/ тартып болан аткаймын»/ – «Если стрела с перьями совы,/ натяну (лук) и пушу в соболя,/ если стрела с шерстью

выдры,/ натяну и застрелю оленя»/) можно отнести к дастанным речитациям. Песни «Бэйсэнэ», «Кил, хэйраным», «Таң атарын» также похожи на отрывки из древних эпических произведений – дастанов. Они напоминают хушавазы (эпические песни) астраханских татар.

10 песен из 29 по событийности и сюжетам, по кратко сохранившемуся описанию деяний героев («Кучум», «Хужаш», «Атулы батыр», «Мырза дус», «Сәет», «Ак Бога», «Әбел Касыйм» и другие) с уверенностью можно отнести к историческим песням, которые и в современной татарской фольклористике такими учеными, как И.Надиров, Ф.Урманчеев, М.Бакиров выделены из жанра песен лишь в 60-е годы XX века. Таким образом, среди песен, записанных в татарских селениях В.В.Радловым, есть такие, которые по жанровым свойствам тяготеют и к дастанам, и к байтам, и к историческим песням.

Текст произведения «Бурихан», записанный В.В.Радловым в двух вариантах (всего 76 строк) в аулах Саускан и Ишим Тамак, был обнаружен учеными XX столетия в отдаленных от этих аулов селениях Вагайского и Тобольского районов: Юрмы, Кәеш, Кундан, Лаймы, Лаймтамак, Күкрәнде (8 строф) и включены в один из томов «Устного народного творчества» – «Дастаны». Идентичных вариантов радловским строфам не встречено. Как отмечено фольклористами, был ли Бурихан исторической личностью, никто из информантов сказать не мог. Ни в исторической, ни в фольклористической литературе ничего, связанного с этим именем пока не встречено, хотя несколько строф «Бурихана» (4 строки) включено в «Антологию татарской поэзии». В ауле Малый Кундан Вагайского района записано поверье о том, что при упоминании имени данного героя поднимается сильный буран зимой или дождь, если дело происходит летом. Известно, что такое поверье существует и поныне у киргизов и каракалпаков в связи с именем Манаса и Едыге. В поисках фольклора по следам В.В.Радлова ученые также зафиксировали устойчиво сохранившуюся во многих аулах сибирских татар мелодию, под которую исполнялся «Бурихан». Интересно отметить, что эта мелодия оказалась весьма сходной с мелодией старинной моравской народной песни.

Восемь лирических песен из IV тома «Образцов...» представляют собой повествования о любви к девушке Бибикамал, к молодой жене Мерген, к девушке из иштяков (остяк-ханты) Шуылмас, а также бытовые лирические песни. Для обозначения жанра В.В.Радлов сохраняет название «йыр». «Йыр» – это песни в форме четверостишия, характерной для всех тюрков, связанные между собой не столько сюжетом, сколько с мелодией, вкраплениями дастанных тирад. Поэтическое описание образа черноглазой Аппак с бровями, как перо (каләм каш), с лицом, сходным с четырнадцатидневной луной (айның унтүртенче киңәсе), а также подарков для нее, сохранивших этнографические детали (сахтыян ату – сафьяновые ичиги, сары кәбец – желтая тюбетейка, күк тимер кармак – удочка из синего железа и т.д.), неожиданно прерываются предложениями совершенно другого характера. Явление контаминации касается лирических песен в этом томе даже больше, чем сказок. Контаминация разрушает жанр, переводя прекрасные любовно-лирические песни в тирады из дастанов, завещаний (васыятьнамә), сатирических байтов и т.д.

Мин үлсәм, табутымны такта куең...

Йөземне кыбла сары ачык куең.

«Если умру, положите на доску,/ Лицо, открыв, поверните на сторону киблы»./

Таким образом, в лирических песнях встречаются детали, которые представляют интерес и ценность не только для фольклористов, но и для историков-этнографов и диалектологов. Например, в песне «Күжэбай» употребляется слово «юктау», которое в данном случае использовано в смысле ностальгического воспевания, тоски по чему-то, ушедшему безвозвратно в прошлое. Но смысл этого слова не похож на потрясающий плач по умершему – «жоктау» казахов и киргизов; и не «сыктау» – плач невесты, сохранившийся в обрядовых песнях татар-мишарей Нижегородской области. Это сохранившаяся и поныне в разговорной речи отдельных говоров сибирских татар вариация слова «юклау» – «юксыну» (томление). Например, «баламны, юктаем» – тоскую по сыну (по причине того, что его нет рядом).

Две обрядовые песни, записанные В.В.Радловым в ауле Рәгес, названные «Кияү йыр» и «Үлән даш» (по 10 строк), долгое время оставались уникальными. Лишь в 1971 году фольклористам удалось обнаружить и записать свадебные песни и сами обряды заболотных татар близ Тобольска, куда, как известно, В.В.Радлов не дошел. В ауле Лаймтамак песня проводов невесты так же, как и в записи ученого XIX века, назывался «Үлән Таш». Ее до сих пор поют с устойчивой мелодией во многих аулах во время обрядового заплетания волос невесты, называя песню «Яр-яр».

Через 100 лет после В.В.Радлова в деревнях тобольского Заболотья (в частности, в деревне Күкрәнде) современными фольклористами были услышаны песни проводов жениха («Кияү йыр»). Участвуя сами в этих проводах на свадьбе, они записали еще две строфы дополнительно к тем, которые фиксировал в свое время В.В.Радлов. Отмечено, что «Кияү йыр» исполняется мужчинами, сопровождающими жениха, сидящего верхом на коне и направляющегося в дом невесты. На конях едут также четыре молодых родственника жениха (нүгәрләр), держа над женихом большое покрывало за четыре конца. Остальные идут сзади пешком. «Кияү йыр» в этой деревне называют также «Кияү типсәү», значение этого слова объясняется его этимологией: раньше словом «тип», «тәп», «даб» называли конусообразные барабаны, игрой на которых сопровождалась свадьба. О них помнят и Барабинские татары, проживающие в ауле Яргуль Куйбышевского района Новосибирской области. Там тоже раньше исполнялись «тәпсәү», связанные с названием инструмента түнгүр.

У ворот дома жениха молодые должны были перешагнуть (перепрыгнуть) через горящий костер и под выстрелы из ружья войти в дом, где на косяках дверей горели также лучины или свечи – так проводилась процедура очищения огнем. При этом им пели песни «Шәмчырак» (свеча-лучина). В «Образцах...» В.В.Радлова этой песни нет, но в книге Х.Ярми «Татарское народное поэтическое творчество» [Ярми 1967: 194] приведена одна строфа этой песни. Приведем в пример две строфы из четырех, записанных фольклористами в 1970 году в ауле Акъяр (Акияры) Тюменского района:

Шәмчыракның янганындин
Янмаганы яктырак.
Бивафа яр булганиндин
Булмаганы яхшырак.
Сән килереңне белмәдем,
Чыгып юлга тормадым.
Тотылып тора минем телем,
Хуш килепсез, димәдем.

«Горящей свечи-лучины,/ Светлей, которая не горит./ Чем будет любимый неверен,/ Лучше пусть его не будет./ Я не знала, что ты придешь,/ Не вышла, не стояла на дороге./ Язык мой словно онемел,/ Не могла сказать: пожалуйста»./

«Северные тюрки Тобольской губернии уже давно магометане», - пишет В.В.Радлов, однако фольклористам удалось записать и рассказы, отражающие пережитки язычества и шаманства в Барабе, около Тары и Тобольска. Примером этого явления может служить обряд изгнания бесов из больного человека (считалось, что причиной болезни явилось вселение в него злых духов). Материалы обряда записаны в деревне Күкрэнде (Чебурга) Тобольского района. Болезнь изгоняли под звучание мелодии, называемой «Шайтан могам», которую исполняли на скрипке, кубызе, тумбре или гармонии, и под исполнение текста, состоящего из бессмысленного набора слов в рифму. Фольклористами отмечено, что такие тексты были известны в деревне многим. Например:

Бас, басалла, басыгралла,
Баз өстендә басыгралла.
Басма түшәкләр өстендә
Шайтан белән касынралла.
Озын койрык саусканның
Койрык очын чабыгралла и др.

Такой же обряд изгнания бесов из больного человека (в этом случае душевнобольного) изображён в романе Якуба Занкиева «Зори Иртыша».

Об аналогичном изгнании болезни у молодого человека приводится и в книге Э.Р.Тенишева «Язык желтых уйгуров» [Тенишев 1980]. Эти стихи, на сохранившуюся в народной памяти мелодию, вероятно, возникли взамен забытого, но остро необходимого рядом с ортодоксальным исламом вербального фольклора. Подобная архаика, как известно, чаще сохраняется в детском фольклоре, например, считалки или предисловие к «Кияү йыр» (песня жениха) – их практически невозможно расшифровать.

Таким образом, «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собранные В.В.Радловым», как и его «Опыт словаря тюркских наречий», заслуженно считаются краеугольным камнем тюркологии. Сравнительно-сопоставительный анализ этого известного труда с результатами исследований современных фольклористов даёт яркое представление о развитии сибирско-татарского фольклора, об истории сибирской фольклористики и современном её состоянии.

Переизданная в канун юбилея академика В.В. Радлова четвертый том его

вышеназванного именитого труда «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной сибире и дзунгарской степи. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар». [Радлов, 2012. 519с.] является результатом целенаправленной кропотливой работы ученого во время пребывания на Алтае, направленной на сбор и фиксацию богатейшего фольклорного материала сибирских татар. Несомненным достоинством данного замечательного издания является то, что составителем книги – доктором, профессором КФУ Ф.Ю.Юсуповым подготовлено к переизданию единственное издание, напечатанное по распоряжению Императорской Академией Наук в марте 1872 года в Санкт-Петербурге, с сохранением академической транскрипции В.В. Радлова, а также технических особенностей издания и рисунка шрифта типографии того столетия.

Анализируя уровень изученности сибирско-татарского фольклора, нельзя не отметить также труды других, не менее известных исследователей. Определенную лепту в развитие этой области науки внес крупный ученый Николай Федорович Катанов. В свое время он учился в Петербургском университете у знаменитых тюркологов, таких как В.В.Радлов, И.Н.Березин, Н.И.Веселовский, и продолжил их традиции. До настоящего времени именно в его записях сохранились легенды и предания сибирских татар: «Предания тобольских татар о грозном царе Тамерлане», «Предания тобольских татар о прибытии Мухамедданских проповедников в г. Искер», «Предания тобольских татар о происхождении киргизского народа», «Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке» и другие, которые хранятся в архивах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

В этой связи нужно обратить внимание на то, что большой интерес вызывают предания о жизни шейхов, связанные с распространителями ислама в Сибири. В библиотеке Тобольского краеведческого музея хранятся две рукописи (объемом в 4 и 3 стр.) под названием «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири». Одна из них написана Саадом Ваккасом, сыном Раджаба, Аллакуловым, а другая – Кашшафом Абу-Саидовым. Содержание обеих рукописей почти идентично, различаются они лишь в несущественных деталях.

Перевод этих рукописей на русский язык был осуществлен Н.Ф.Катановым и опубликован в 1903 г. в «Ученых записках Казанского университета» [Катанов 1903: 133-146], а в 1904 г. – в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» (14 выпуск). [Катанов 1904: 3-28] В тексте повествуется о походе 366 мусульманских проповедников из дервишского ордена Накшбандийа и 1700 воинов в Западную Сибирь для обращения местных народов в ислам: «По мусульманскому летоисчислению 797 год хиджры (начался 27 октября 1394 г. и кончился 15 октября 1395 г.) стал годом, исполненным истинной дружбы с исламом...». Там же содержалась вся история миссионеров, начавшаяся в «Священной Бухаре» во времена хана Абу-ль-Лейса «с соизволения» основателя ордена мистиков «Накшбандия» ишана ходжи Багау-ль-хакк-уа-д-дина. Прибыв в Сибирь, шейхи стали выполнять его указание в отношении распространения ислама. Считается, что из 366 шейхов

300 погибли; 3 проповедника обосновались среди сибиряков, обучая их основам веры, 63 вернулись в Бухару, где доложили Багау-ль-хакк-уа-д-дину о выполнении задания. В документе перечислено также 29 священных захоронений – Астана.

Рукопись, переведенная Н.Ф.Катановым, есть ни что иное, как сачара одного из хранителей Астаны. Длительное время она являлась единственным известным и наиболее ранним документальным источником по исламизации Сибири, введенным в научный оборот.

Датирование начала исламизации Сибири среди исследователей до настоящего времени является дискуссионной темой. Одни считают, что благодаря дипломатам и путешественникам из мусульманских стран, население Западной Сибири с исламом познакомилось с X века. Другие связывают это с объявлением ханом Узбеком ислама государственной религией Золотой Орды (I пол. XIV в.) Третьи – с ханом Кучумом (II пол. XVI в.). Некоторые считают, что даже в XVIII в. часть сибирских татар еще не приняла ислам. Но большинством исследователей, благодаря публикации Н.Ф.Катанова временем прихода первых исламских миссионеров принято считать конец XIV века.

Н.Ф.Катанов не только обнаружил эти сачара, в 1895 г. он опубликовал предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке [Катанов 1897: 51-61; 1895: 234-238;], а спустя год на русском языке им были опубликованы два предания сибирских татар, оригиналы которых изданы В.В.Радловым в 4 Т. «Образцов народной литературы тюркских племен...», записанные академиком со слов ишимских и тобольских татар (в с. Саургач). Первое предание рассказывает о приезде в Сибирь исламских проповедников из Бухары в ответ на обращение в 1572 г. к правителю Бухары сибирского хана Ахмет Гирея. Второе – о приезде в Сибирское ханство исламских миссионеров под руководством Ахмет Гирея, направленных бухарским ханом по просьбе хана Кучума. Второе предание более точно сообщает имена участников событий и подтверждается другими историческими документами. Действительно, брат Кучума Ахмет Гирей приехал в Искер и они вместе правили 4 года, позже Ахмет Гирей был убит своим тестем, казахским ханом Шыгаем.

Спустя 100 лет, в 2004 г., историком И.В.Беличем и доктором филологических наук Ф.З.Яхиным в с. Карагай был обнаружен и прочитан протограф данного списка, владельцем которого является местный мулла, являющийся в то же время смотрителем астаны шейхов Абдул-Азиса и Абдул-Халика д. Алагулова/Каш авыл Р.Х.Батинов. Рукопись написана на сибирско-татарском тюрки почерком насх в стиле XVIII в. Из перевода сачара стало известно, что она составлена Гайнутдином муллой Хилкат Йарканди, называвшим себя «хасса-гайн», т.е. «уважаемый господин» или «господин смотритель». Вероятно, составитель «Древа», так же, как и нынешний ее хранитель, совмещал обязанности муллы и астана караучы. Переписал список Кашшаф Абу-Саидов, бывший тем «карагайским караульщиком», имя которого с арабописьменным автографом встречается в антропонимике этого селения по архивным документам начала XX в.

Вновь открытые документы являются не только источником,

позволяющим пролить свет на вопросы, связанные с историей сибирских татар, с процессом принятия ислама коренными народами Сибири, но и памятником языка, письменности и литературы сибирских татар.

Таким образом, из документальных источников, связанных с этими шейхами, также сохранились культовые документы – сачара ((шаджере/шаджара/ сэчэра/ сачара) – родословная, древо жизни) – рукописи в виде свитка, написанные на арабской графике. Они использовались для доказательства права на земельные участки после прихода русского населения в Сибирь и нередко являлись главным символом хранителя астаны – места захоронения святых шейхов, которые распространяли в этих краях ислам. Сачара обычно передавались по наследству, и считалось, что ее хранители (астана карауцы) сами являются потомками рода шейхов (шык тугум). В советский период, во времена жесткой антирелигиозной политики, большинство сачара было утрачено. Оставшиеся же документы, как правило, хранились в строжайшем секрете, и об их существовании часто не знали даже ближайшие родственники.

Сачара крайне важны для исследований, т.к. переписывавшиеся из поколения в поколение, они свидетельствуют также и о распространении грамотности среди сибирско-татарского населения.

В 1877 г. В.В.Радлов опубликовал «Шаджара рисаласи» («Трактат о генеалогии»), записанный Ходжашем Шакармом в Тобольске «со слов Шарбати-хана (XVII в.)», как образец письменности сибирских татар. Краткий его вариант хранится также в рукописном отделе Института востоковедения в Петербурге. Заметим, что более полный вариант этой сачара был опубликован в 1909 г. Р.Фахрутдиным в вышеназванном труде «Асар» [Фахрутдинов 1909: 72-90].

В 1977 г. был обнаружен новый список этого документа в с. Бегишево Вагайского района Тюменской области, у Р.Габишевой. [Усманов, Шайхиев 1979: 167] Этот документ был составлен в начале XVII в. Ходжа Шакармом, сыном Юсуфбия, со слов старца по имени Шайбати-шаих, и посвящен роду сибирского татарина из г. Тары Нияза сына Хайдара. В нем подробно рассказывается о взаимоотношениях хана Кучума с правителем Бухары Абдуллой ханом, а также о деятельности Кучума по укреплению ислама в Западной Сибири, о существовании должности Сеида в Сибирском ханстве и о мн. др. Эти факты также говорят о широкой распространенности сачара среди сибирских татар.

Важные исторические сведения содержатся в сочинении неизвестного автора второй половины XIX в. под названием «Происхождение аула Сала», текст которого хранится в рукописном отделе Института востоковедения в Петербурге в коллекции В.В.Радлова. В нем описываются события, начиная с основания Тюменского ханства Тайбугой (1220 г.) и по 1824 г. На обширном историческом фоне освещается история двух старинных юрт сибирских татар – Салы и Супры (в прошлом Субры).

В 1961 году М.А.Усмановым в д. Умы Куйбышевского района Новосибирской области у З.Насировой обнаружена рукопись А.Гиззатуллина из д. Кушкуль

Чановского района, известная как «Тетрадь Ахметжана Гизетдина» (Хранится в НБ КГУ, № 3413. Датируется 1910 гг.)

В данную рукопись включены как сачара, так и литературные и фольклорные тексты, выписки из разных религиозных сочинений, сведения по истории края, описания соседних народов. Рукопись состоит из двух частей. Условное название первой части «Бараба иле» («Барабинская история»), она представляет интерес тем, что в ней имеются обширные сведения по истории, географии, этнографии, топонимике Барабы. Вторая часть тетради – «Туралы Тубыл халкы» («Тобольское городское население») – содержит ценные сведения о Сибирском ханстве, о связях сибирских татар с казахами, калмыками.

Исследованию исторических сочинений сибирских татар посвящена работа М.А.Усманова, написанная в соавторстве с Р.А.Шайхиевым «Образцы народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири», где авторы провели исторический и археографический анализ некоторых образцов сачара сибирских татар, показали их историографическое значение и определили задачи по их дальнейшему сбору и изучению [Усманов, Шайхиев 1979: 101]. Внимание М.А.Усманова и Р.А.Шайхиева привлекла также сачара «Род Ильяс-муллы» с комментариями о личностях и событиях, которые относятся предположительно к концу XIX – началу XX вв. По содержанию данного памятника род Ильяс-муллы начинается со времени прибытия в Сибирское ханство Ахмет Гирея и Кучума.

Продолжают изучать феномен сачара и связанных с ними явлений мусульманской культуры и современные исследователи, в т.ч. и члены авторского коллектива [Адаев, Белич, Зиннатуллина, Рахимов, Ярков 2004: 219-228; Белич 2004: 480-502; Белич 2005: 33-36 и др.]. В ряде случаев ученые утверждают, что «начало исламизации Сибири относится к более раннему периоду, чем принято считать».

Имеют значение, безусловно, и другие письменные исторические сочинения и предания о Сибири. Они извлечены из различных публикаций и фондов архивохранилищ, но ценны и источники, повествующие о связях «мусульманской Сибири» с Поволжьем и Средней Азией. Как известно, существенную роль в этнической истории сибирских татар сыграли родственные им группы тюркского населения. На протяжении XIII–XVI вв. они часто находились в одних политических объединениях или поддерживали друг с другом религиозно-культурные и торговые связи, а их владельцы вступали в династические браки.

В связи с вышесказанным, нужно дать объяснение слову «астана». Во многих сибирско-татарских деревнях до настоящего времени сохранились места, называемые «астана», где похоронены миссионеры, сподвижники ислама. В суфизме (тасаввуф) астана определяется как место, где жили «святые» и проповедники, и где находятся их мавзолеи, к которым совершается паломничество (зийара). Для мистика оно связано с целью достигнуть духовного общения (муракаба) со святым, а для мирянина – получить заступничество, благодаря его духовной силе (барака), способной творить

чудеса [Белич 2006: 14.]. Основные доктрины тенгрианства, в т.ч. культ предков, легли в основу традиции почитания священных захоронений – Астана. Первые исламские миссионеры были представителями суфизма, а суфизм продемонстрировал удивительную пластичность, способность впитывать традиционные народные верования и представления и возвращать их народу в мусульманизированной форме [Селезнев, Селезнева 2004: 4]. Эти места считаются святыми для мусульман. Из поколения в поколение передавалось уважительное отношение к этим местам, в этом немаловажную роль играют и предания, связанные с их деятельностью. До сегодняшнего дня в народе хранится множество преданий и легенд, связанных с именами шейхов, их учениями и местами захоронений.

В многочисленных легендах и преданиях, собранных фольклористом из народа А.Ниязовым* называются имена этих шейхов, описываются их деяния и отношение к ним сибирско-татарского народа. Например, в легенде, записанной им как «Деяния, которые мог совершить шейх Бизелей» («Писэлэй-шык пелгән эшләр»), говорится о том, что этот шейх был очень образован и имел колдовскую чару. Своей силой он излечивал от разных болезней, заставлял служить себе всякую нечисть. «Писэлэй-шык эшгәрә угымышлы әүлия, сигырцы булган имеш. Ул кешеләрне төрле аурулартан төсәтә алган һәм пәриләргә, шайтаннарға печән чаптырткан, иләк пелән агац мүцкәгә су ташытган, комнан арган та иштергән. Шәех үлгәц, кешеләр аны олылап күмгәннәр. Хәзерге көнтә тә Кайнаул авылыннан ерак түгел «Изге йер» дигән йир бар. Шунда кирбецтән өелгән астананы йакшылар йаткан йер тип йөртәтләр». Место, неподалеку от деревни Кайнаул, где похоронен Бизелей-шейх, поныне называется в народе святым местом.

На могилы святых народ ходит читать молитву: «Монта кеше дога кылырга киләте, киртмәләрнең алтты мөйәшендә көмеш акча калтырат» – «сюда люди приходят молиться, в шести углах бревенчатых срубов оставляют серебряные монетки».

Народ верит, что они имеют исцеляющую силу. Считается, что здесь нельзя сквернословить, плохие деяния и помыслы, совершенные на астане, наказываются: «...пер урыс атай-сатай йаманныкка алты мөешле киртмәне үртәпейепте. Игенце көнне үк ул урыс сергелтәк пулып аурып китепте, шуннан пер ай эцентә үлеп тә китепте. Ул ук йәйтә паллары пер-переннән суң үлеп китәтләр. Ә пер паласы ике көн тартышып йатканнан суң, кешеләргә пылай тип әйтепте: «Песнең атапыс эшгәрә йуан йалгышлык кылты, пашгаларга та әйтең, инте ицкем алай кыйланмасын», - тип». – «...Один русский специально, из плохих побуждений поджег шестиугольный сруб астаны. На следующий же день он сильно заболел и в течение месяца умер. В то же лето друг за другом умерли его дети. Один из сыновей, два дня мучаясь в предсмертных страданиях, сказал: «Наш отец совершил очень большой грех, скажите и другим, пусть больше никто так не поступает».

*Данные материалы, собранные в 1993-1995 гг. Асхатом Ниязовым хранятся в архивах кафедры татарского языка, литературы и методики преподавания ТГПИ им. Д.И.Менделеева.

Многие суфийские сказания о мусульманских святых и легенды сибирских татар содержат сходные эпизоды, повествующие о чудотворной силе шейхов: чтение мыслей, исцеление больных, управление стихиями природы и джиннами, перемещение по воздуху и по воде и др.

В собранных материалах есть и такого характера тексты, где описывается, как несколько трактористов разрушили астану, вспахали здесь землю. И они получили такое же наказание: все умерли или получили увечья.

В таких случаях, как рассказывается в народе, хозяева астаны – похороненные здесь шейхи «уходят, переселяются» в другие места. Такие сюжеты, где шейхи, покой которых был потревожен людьми, снились кому-то из сельских жителей, встречаются часто. Например, женщина, которая рассказывала это событие, утверждает, что это приснилось её отцу. Дело было так: однажды ту землю, где покоились святые, купили русские, по этой причине святые переселились в другое, более спокойное место.

Почитание мучеников за веру – авлия – у сибирских татар выражается магической направленностью. Это встречается не только в изустных преданиях, но и в письменных источниках. В переводе Н.Ф.Катанова есть обращение: «Покорнейше просим, чтобы святые могилы оберегались неукоснительно... для того чтоб шейхи не разгневались на них и чтобы не осрамили ни их, ни потомства их!».

Если сравнить материалы данных легенд и преданий, собранных А.Ниязовым, то многие имена и места сходятся со списком, оставленным Н.Катановым. Например, в Баеше – астана шейха Хакима, в Вагае – шейха Касима, в Больших Бурянях – шейха Бигяч-ата, в Юрмах – Хадиджа биби, Акыл биби, в Саургачах – Салиха биби и др. В легендах и преданиях встречаются и имена других шейхов, существование которых не доказаны документально, но этот факт никак не умоляет их значение перед народом.

«Почитание шейхов и изучение их жития, паломничество к могилам миссионеров, институт хранителей мавзолеев, поучительные истории в фольклоре сибирских татар, схожие по стилю и сюжету сказаниями странствующих шейхов, сохранившуюся даже после их смерти, вера в сновидения, как в мост между мирским и духовным, наставления – адабы являются связующим звеном суфизма и традиционного ислама сибирских татар» [Рахимов 2006: 29].

Таким образом, фольклорный материал может служить полезным источником для изучения истории, этнографии, языка, обычаев и обрядов народа. Бережное отношение ко всему тому, что принадлежит истории народа, его прошлому, изучение этих материалов, могут дать науке интересные результаты.

У сибирско-татарского народа бытуют также устные прозаические рассказы, относящиеся к преданиям, в которых повествуется о событиях далекого прошлого. В основе таких сюжетов лежат реальные факты, которые за давностью лет вызывают различные слухи и толки, благодаря чему к ним возникает дополнительный интерес. Сохранились многочисленные топонимические предания, рассказывающие об истории происхождения

различных географических названий: рек, озер, гор и др. Одни из них дают точные, т.е. достоверные, проверенные практикой или историческими данными объяснения того или иного названия. Другой тип преданий – исторически неоправданное, недоказанное поэтическое истолкование того или иного названия, однако интересен содержанием, литературной образностью, языком. Любопытны предания о происхождении татарских населенных пунктов Ачиры, Лаймтамак, Нешшә, Носкы Тобольского района, Сопра, Ишаир, Катангуй Вагайского района Тюменской области, Лешаково, Тюрметяки, Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области.

В отличие от преданий, в основе легенд лежат не реальные исторические факты, а вымысел, который, однако, преподносится рассказчиком как сущая правда. Вымысел в легендах – это не способ художественного обобщения, а ее содержание. Сибирско-татарские легенды «Зеленые девушки» и «О бунте трехсот непокорных девушек», записанные А.Ниязовым, были опубликованы в переводе на русский язык писателя-историка Вячеслава Софронова в журнале «Идел». Здесь автор статьи дает высокую оценку работе собирателей народного творчества и пишет: «...привыкли мы, что история наша творится где-то в других краях, и свои самородки считаем пустой породой, безжалостно выбрасывая их из памяти». Эти же предания использовались Я.Занкиевым в своих романах «Зори Иртыша» и «Любовь, объятая пламенем».

Наиболее распространенным жанром устного народного творчества по достоинству считаются народные песни. Это в основном четверостишия (кыска ерлар), в которых отражались думы и чаяния людей. Среди многочисленных песен сибирских татар встречаются и сюжетные. В музыке сибирских татар специалисты обнаруживают коренные сибирские, казанские и мишарские музыкальные традиции, а также черты, связывающие музыку сибирских татар с казахской и узбекской. Песни сибирских татар характеризуются диатоничностью, широкими мелодическими интонациями, суровостью общего колорита. Их исполнение сопровождалось игрой на народных музыкальных инструментах, в состав которых входили курай (деревянная дудка), кубыз (инструмент из металлической пластины), бубен (ударный инструмент) и др.

Первыми из опубликованных произведений сибирского музыкального фольклора являются «Песни тобольских татар» (33 песни), увидевшие свет в 1864 г. на страницах «Тобольских губернских ведомостей». Среди изданных лирических и шуточных песен имеются и песни, выражающие религиозные воззрения сибиряков-мусульман.

Большой вклад в современную музыкальную фольклористику сибирских татар внесла Альминур Патршина, посвятившая последние десятилетия жизни не только сбору, записи народных песен, баитов и мунаджатов из уст самого носителя, но, обладая поистине народным голосом, она много делала для их популяризации. В области музыкальной фольклористики также интерес вызывает работа Л.Сурметовой, посвященная научной обработке песенного фольклора татарского народа, проживающего в Сибири.

В двадцатом веке крупнейшим исследователем татарского фольклора, в том числе и сибирско-татарского, стал Хамид Ярми (Хамид Хуснутдинович

Ярмухаметов родился 5 мая 1904 года в ауле Кырынкуль (Казарово) Тюменского района в семье муллы. Первоначальное образование получил у отца в родной деревне, затем учился в знаменитом Ембаевском медресе. В советское время продолжил учебу в Казанском педагогическом институте, позже в аспирантуре. Научной деятельностью начал заниматься с 35 лет, работал старшим научным сотрудником, заведующим сектором народного творчества, директором Института языка, литературы, истории им. Г.Ибрагимова в г. Казани. В 1948 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «О сборе и изучении татарского фольклора отечественными и зарубежными учеными», а в 1969 году и докторскую диссертацию «Поэтическое творчество татарского народа». Заслуженный деятель науки ТАССР, лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Г.Тукая, он награжден орденом «Знак почета», медалями, почетными грамотами. Умер 30 октября 1981 года в г. Казани.

С 1940 по 1967 годы им было организовано около 30 экспедиций по сбору татарского фольклора в 16 республиках и областях Советского Союза, с компактным проживанием татарского населения. 115 участников экспедиций посетили с ним более 300 татарских деревень от Сергача Горьковской области до Барабинских степей Новосибирска. Собранные материалы обобщены, опубликованы в более ста статьях, 45 книгах, 11 из которых переведены на китайский, монгольский, словенский, болгарский, венгерский и другие языки мира. Самым большим результатом работы отдела фольклористики ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова является четырнадцатитомный «Свод татарского фольклора». Этот «Свод...» организован и начат ученым Х.Х.Ярми, три тома монографического исследования татарских сказок составлены им лично. За большой вклад в науку ученый посмертно был удостоен звания лауреата им. Г.Тукая Республики Татарстан (1989), самой почетной и престижной награды в области искусства и литературы Татарстана.

Вызывает особый интерес труд Хамида Ярми «Татар халкының поэтик ижаты» («Татарское народное поэтическое творчество») [Ярми 1967: 306], который в течение многих лет использовался в качестве единственного учебника по фольклору для вузов. В книге особое место уделяется подробному исследованию истории татарской фольклористики; следующие главы посвящены изучению и анализу отдельных жанров фольклора: сказок, баитов, пословиц и поговорок, загадок, песен; также рассматривается состояние устного народного творчества советского периода. Этот труд, бесспорно, представляет интерес для данного исследования, и в том плане, что автор учебника – выходец из сибирских татар. Вместе с общетатарским фольклором здесь также автором уделяется внимание состоянию изученности сибирско-татарского фольклора, в том числе трудам В.В.Радлова, Н.Ф.Катанова, которые внесли огромный вклад в дело практического сбора и изучения фольклорного материала татар, проживающих на огромной территории Сибири. Проследив развитие фольклористики сибирских татар, автор рассказывает о специальных экспедициях, организованных Институтом языка, литературы и истории в 1940 году в Тюменскую и Новосибирскую области, в города Тобольск, Тара. В

учебник в качестве примеров также включены некоторые материалы из фольклора сибирских татар.

Особый интерес для исследователей вызывает книга «Иртешкэ сәяхәт» («Путешествие на Иртыш») [Иртешкэ сәяхәт 1989: 158], составленная Мухаммедом Садри, по результатам экспедиции 1940 года, в которой участвовали Х.Ярми, С.Амиров, В.Хажиев и составитель труда.

Интересны исследования в данной области ученого-фольклориста Флоры Ахметовой-Урманче, которая также является представительницей сибирских татар. Именно она отдала много усилий изучению и анализу работ В.В.Радлова, в том числе его известного труда, посвященного устному народному творчеству татар, проживающих в Сибири. (Флора Вагаповна Ахметова-Урманче – фольклорист, долгие годы работала старшим научным сотрудником Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук РТ, кандидат филологических наук, лауреат Государственной премии им. Г.Тукая, заслуженный деятель культуры Республики Татарстан, родилась 23 мая 1935 г. в деревне Чебурга Тобольского района Тюменской области. Окончила Тобольское педагогическое училище, позже историко-филологическое отделение Тюменского педагогического института. Ее научная деятельность тесно связана с Казанью. Здесь она поступила в аспирантуру и под руководством Х. Ярмухаметова защитила диссертацию, посвященную проблемам использования и применения фольклора писателями в художественных произведениях. Долгие годы научно-исследовательской работы она посвятила самому сложному жанру в татарском эпосе – дастанам и байтам, среди которых знаковым является вышеназванный дастан «Идегей». Все фундаментальные серии: «Эпическое наследие народов Евразии» (Москва), «Фольклор народов Сибири» (Новосибирск), «Свод татарского фольклора» (Казань) – готовятся и выходят в свет с участием Ф. В. Ахметовой-Урманче. Она же подготовила к изданию на русском языке «Антологию фольклора сибирских татар»).

Современное состояние сибирско-татарской фольклористики представлено многочисленными исследованиями ученых-фольклористов на основе фольклорных материалов, собранных во время научных экспедиций в разное время, в том числе вошедших в многотомное издание «Татарское народное творчество»*. Почти в каждом из них имеются образцы, записанные у сибирских татар в Омской, Томской, Новосибирской, Тюменской и других областях региона. Произведения различных жанров устного народного

* Татар халык ыжаты: Әкиятләр. 1-2 китап. (Татарское народное творчество: Сказки. Кн. 1-2. Сост. тома, авторы введения и примечания Гатина Х.Х. и Ярми Х.Х.) – Казан: Таткитнәшр., 1977-1978; Татар халык ыжаты: Әкиятләр. 3 китап. (Сказки. Кн. 3. Сост. тома, автор введения и прим. Замалетдинов Л.Ш.). – Казан: Таткитнәшр., 1981; Татар халык ыжаты: Йола һәм уен җырлары. (Обрядовые и игровые песни. Сост., автор введения и прим. Надилов И.Н.). – Казан: Таткитнәшр., 1980; Татар халык ыжаты: Бәетләр. (Байты. Сост. том Ахметова Ф.В., Надилов И.Н., Замалетдинова К.Б.). – Казан: Таткитнәшр., 1983; Татар халык ыжаты: Дастаннар (Дастаны. Сост., автор введения и прим. Ахметова Ф.В.) – Казан: Таткитнәшр., 1984; Татар халык ыжаты: Тарихи һәм лирик җырлар. (Исторические и лирические песни. Сост., автор введения и прим. Надилов И.Н.). – Казан: Таткитнәшр., 1988; Татар халык ыжаты: Риваятьләр һәм легендалар (Предания и легенды. Сост., автор введения и прим. Замалетдинов Л.Ш.). – Казан: Таткитнәшр., 1987.

творчества сибирских татар отражают местные географические, исторические особенности, в то же время они обладают множеством общих черт и мотивов, присущих фольклору татар Поволжья и Приуралья, что свидетельствует об общих тюркских корнях. Эти материалы были использованы авторами при исследовании проблем этногенеза и духовной культуры тюркских народов.

Таким образом, в связи с тем, что процесс формирования сибирско-татарского народа сложен, его состав многокомпонентен, и устное народное творчество, которое является отражением жизни народа, богато и разнообразно как по своему жанровому составу, так по сюжетам и тематике.

Анализ истории изучения сибирско-татарского фольклора, насчитывающей более ста пятидесяти лет, дает возможность представить себе процесс формирования, развития и сохранения устного народного творчества, являющейся духовным наследием народа, позволяет сделать выводы о состоянии изученности проблемы. После исследований В.В.Радлова и Н.Ф.Катанова, в XX в. изучение сибирско-татарского фольклора, как и всего творчества татарского народа, приобретает планомерный характер.

Итак, подводя итоги изысканиям по данной теме, прежде всего, можем отметить смешанный характер формирования этнической общности тоболо-иртышских татар. Изучение и анализ устного народного творчества сибирских татар, выявление жанровых особенностей и тематического богатства татарского фольклора данного региона, с одной стороны, дают возможность увидеть единую основу развития татарского словесного искусства, в то же время определить особенности образной системы, богатства и разнообразия фольклора татар, проживающих в Сибири. Подобные памятники имеют большую научную ценность, так как они отражают материальную и духовную жизнь народа, содержат ценную информацию о прошлом.

Таким образом, можно отметить, что фольклорный материал может служить полезным источником для изучения как истории, этнографии, обычаев и обрядов народа, так и его языка. Бережное отношение ко всему тому, что принадлежит истории народа, его прошлому, изучение изустных и письменных литературных памятников могут дать науке интересные результаты. Подобные памятники имеют большую научную ценность, так как они отражают материальную и духовную жизнь народа, содержат ценную информацию о его прошлом.

Литература:

1. Валеев, Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт / Ф.Т.Валеев. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. – С.149-150.
2. Авдеев, И.И., Струкова, И.П. Тобольские и тюменские татары (историко-этнографический очерк) / И.И.Авдеев, И.П.Струкова // Омская область. – 1937. – №3. – С.66.
3. Аристов, Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей / Н.А.Аристов // Живая старина. – СПб., 1897. – Вып. IV.
4. Юшков, А.Г. Сибирские татары / А.Г.Юшков // Тобольские губ. ведомости, 1861. – № 35-45.
5. Миллер, Г.Ф. История Сибири. – Т.1. – М.–Л., 1937.

6. Полевой, Б.П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVIII в. (о сочинении Адама Каменского Длужика) / Б.П.Полевой // Советская этнография. – 1965. – №5. – С.122–129.
7. Кононов, А.Н. История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрок» / А.Н.Кононов // Советская тюркология. – Баку, 1971. – С.3-12.
8. Радлов, В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии / В.В.Радлов. – Иркутск, 1923. – С.23.
9. Радлов, В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи: ксерокопия / В.В.Радлов. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1872. – 411 с.
10. Әхмәтжанов, М.И. Билгесез татар чыганаclarы / М.И.Әхмәтжанов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2003. – №3-4. - Б.35-41.
11. Ахметова, Ф.В. По следам В.В.Радлова / Ф.В.Ахметова // Сибирские татары. Сборник статей. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – 240 с.
12. Катанов, Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири /Н.Ф.Катанов //Ученые записки Казанского университета. – 1903. Кн. 12. – С. 133-146.
13. Катанов, Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири / Н.Ф.Катанов // Ежегодник Тобольского Губернск. музея. – Тобольск: Типография Епарх. Братства, 1904. – вып. XIV.
14. Ярми, Х. Татар халкының поэтик ижаты / Х.Ярми. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1967. – 308 б.
15. Катанов, Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири /Н.Ф.Катанов //Ученые записки Казанского университета. – 1903. Кн. 12. – С. 133-146.
16. Адаев В., Белич И., Зиннатуллина Г., Рахимов Р., Ярков А. О региональных особенностях ислама и почитании астана /В.Адаев, И.Белич...//Региональные социокультурные процессы: Тематический сборник. - Тюмень, 2004. – Вып.2. – С .219-228.
17. Белич, И.В. Астана сибирских татар // Исламская цивилизация в Сибири: история, традиции, современность. Материалы научной конференции, посвященной 610-летию с начала распространения ислама в Западной Сибири. Тобольск, 2006. – С.14.